

тельной процедуры вводятся переговоры. Причем примирение с использованием данных процедур возможно в любой стадии процесса. Данные предложения еще подлежат обсуждению и оценке, но сам факт свидетельствует о стремлении внедрения примирительных процедур в систему арбитражного процессуального законодательства. Надо отметить, что в настоящее время гл. 15 АПК РФ «Примирительные процедуры. Мировое соглашение», в которую и предполагается внесение изменений, фактически регулирует только мировое соглашение, поэтому указанные изменения наполнят ее реальным, соответствующим названию содержанием.

С учетом выявленных тенденций представляется, что обсуждение и доработка российских законопроектов, касающихся как внесудебного, так и досудебного посредничества (медиации) должны осуществляться параллельно, например, так как это было с одновременным обсуждением и принятием процессуальных кодексов — АПК РФ и ГПК РФ и федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации». Данные законопроекты взаимосвязаны. Нормы АПК РФ не должны повторять специальное правовое регулирование и объяснять, что такое посредничество и как оно работает. Их задачей является регламентация тех процессуальных аспектов посредничества, которые государство определяет для себя необходимыми с точки зрения наиболее эффективно взаимодействия посредничества и судебной системы.

Литература

О проекте Федерального закона ВАС РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» // Третейский суд. — 2009. — № 6. — С. 16—22.

О.А. Поротикова, канд. юрид. наук, доцент
ВГУ (Воронеж, Россия)

О ВЛИЯНИИ ХАРАКТЕРА СПОРНОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР

В последние несколько лет в России и в большинстве государств на постсоветском пространстве предпринимаются активные и целенаправленные усилия по включению в национальное законодательство норм, регулирующих внесудебные и не государственные механизмы урегулирования частноправовых споров. Причем в основном речь идет о процедурах посредничества или примирения сторон. В некоторых странах данный процесс только начинается (Казахстан, Украина и др.), а в отдельных он уже практически завершен, как, например, в Беларуси.

В России усилия ученых в этой связи находят отражения не только в традиционных для науки формах — публикациях, дискуссиях, конфе-

рениях, но и в разработке ими проектов законодательных актов, которые вносятся на обсуждение в парламент.

Надо с сожалением отметить, что специалисты в области материального частного права (гражданского, семейного, трудового) почти не принимают участия в формировании основ и правил посредничества как способа урегулирования спора. В лучшем случае они берутся оценить преимущества примирительных внесудебных механизмов перед уже действующими судебными формами защиты прав, такие как добровольность действия сторон спора по выбору примирительной процедуры и фигуры посредника, конфиденциальность, оперативность, низкая затратность и прочее. Между тем сама природа предлагаемых примирительных процедур ближе к модели договора, чем к модели разрешения спора и тем более правосудия, а следовательно, должна быть близка и понятна в первую очередь цивилистам. Через призму цивилистического взгляда посредничество раскроется с еще неизученных сторон.

Так, можно утверждать, что эффективность досудебного или внесудебного примирения сторон спора во многом зависит от статусных характеристик участников спора, от вида правоотношения, в котором они участвуют, от юридического факта, из которого данное правовое отношение возникло.

Нередко можно услышать, что примирительные процедуры, в числе которых посредничество и трудовой арбитраж, одним из первых среди материальных кодексов узаконил Трудовой кодекс РФ (ст. 401—404), поскольку в трудовых отношениях как ни в каких иных из правоотношений частного характера прогнозируется высокий уровень конфликта интересов участников — работодателя и работника.

Однако заложенная в модели трудовых отношений изначальная иерархичность, подчиненность одной стороны другой, противоположность целей участия в трудовых связях, хорошо объясняет многочисленность спорных ситуаций, но не может объяснить восприятие посредничества как способа урегулирования разногласий. Все те свойства, которые способствуют конфликтованию сторон, на наш взгляд, должны снижать эффект от договорного и добровольного механизма разрешения конфликтов. Могут ли работник и работодатель стремиться достичь компромисса в споре, скажем, при желании одного уволить другого, снизить заработную плату, изменить условия труда и т.п.? Какие стимулы заставят их договориться о посредничестве? Прямое указание кодекса не сможет «принудить» стороны решить дело миром. В ситуации, когда даже условия трудового договора крайне редко действительно согласуются сторонами, а чаще работник безоговорочно подчиняется условиям работодателя, серьезные опасения вызывает эффективность примирительных отношений сторон.

В гражданских правоотношениях, напротив, примирительные механизмы должны быть органичным продолжением автономии воли участников, «горизонтальности» их юридических связей. Однако Гражданский кодекс РФ содержит указание лишь на самую примитивную из форм примирения — обязательный в силу закона или установленный до-

говором претензионный порядок урегулирования споров. Законодательный претензионный порядок характерен в основном для отношений по перевозке и этому в немалой степени способствовали международные правила и обычаи. Из анализа судебной практики по этой категории дел следует, что в подавляющем большинстве случаев стороны выполняющие необходимый обмен претензиями как необходимую предпосылку для судебного разбирательства, нередко даже не прочитывая текст претензий.

Практически невозможно найти в современном гражданском обороте договоров, где не содержалось бы условия о том, что прежде чем передавать спор на рассмотрение суда, стороны предпримут все усилия, чтобы урегулировать его посредством обмена претензиями и переговоров. При этом, во многом благодаря «стандартности» такого условия, стороны не относятся к нему серьезно и при возникновении спора соблюдают претензионный порядок формально, без стремления действительно договориться. Возможно, следует воспользоваться опытом Великобритании, где подобные условия включаются в договор только осмысленно и целенаправленно, а более правильным с точки зрения эффективности примирения считается заключать соглашение о посредничестве после возникновения спора, демонстрируя действительную волю к переговорам.

В каких случаях участники гражданских отношений будут стремиться к самостоятельному и приватному урегулированию спора? Думается, что, прежде всего, когда они являются субъектами предпринимательской деятельности, поскольку только в этом случае их может стимулировать желание сохранить добрые и постоянные партнерские отношения, сберечь деловую репутацию, которая играет роль нематериального, но очень весомого актива. Такие субъекты, как физические лица и государство или публичные образования, в силу разных причин будут уклоняться от внесудебного урегулирования. Первые — поскольку достижение компромисса с оппонентом зачастую не соответствует их интересу, и желательно получить властное решение суда, обязательное не только для сторон спора, но и для всех остальных, в том числе государственных органов; вторые — в связи с тем, что иерархия публичных структур подвигает их только к стремлению переложить ответственность за разрешение сложной ситуации на другой орган или суд.

Содержание правоотношения в свою очередь не может не сказываться на допустимости и результативности посреднических усилий. Если из договорных обязательств споры часто носят характер «несогласия с фактическим обстоятельством», например, касаются возражений о качестве товара, работ или услуг либо факте надлежащего исполнения, то такие споры по своей природе в значительной степени тяготеют к переговорам и взаимовыгодным компромиссам. Корпоративные споры в силу своего разнообразия в ряде случаев могут иметь свойства «переговорности», а в ряде случаев полностью исключают мысль о примирении сторон, сближаясь в чем-то с трудовыми отношениями. В то время как отношения вещного характера в основной своей массе сложно урегулировать соглашением спорящих лиц, они склонны к однозначности и публичной принудительнос-

ти, которую может дать только правосудие. Тем более, что основной объект подобных конфликтов — недвижимое имущество, в формировании прав на которое государство имеет решающую роль.

В заключении своих рассуждений стоит коротко остановиться и на влиянии оснований возникновения гражданских правоотношений на результативность примирительных процедур. Очевидно, что отношения из деликтов — конфликтные изначально — не могут стимулировать стороны к миру, поскольку у тех нет желания сохранить добрые отношения. Они, как правило, не бывают знакомы друг с другом до возникновения конфликта. К сказанному добавляется негативная эмоциональная составляющая этих отношений — факт причинения вреда заставляет относиться к причинителю как к врагу и препятствует добровольному и конструктивному диалогу. Понятно, что из распространенных юридических фактов наиболее подвержен примирительным механизмам — договор. Неоднозначно можно оценить для целей эффективного примирения такие юридические факты, как юридические поступки (находка, спецификация), неосновательное обогащение, действия в чужом интересе. Надо полагать, что в них все же заложено потенциальное стремление достичь взаимовыгодного результата.

Все сказанное, однако, не означает, что следует изначально сужать сферу применения примирительных процедур. Предлагается продумать разные модели посредничества, способов их выбора, требований в кандидатуре посредника, а также подумать о закреплении законодательных стимулов в виде снижения финансового бремени или иного поощрения в зависимости от характера спорного материального правоотношения.

*В.П. Скобелев, канд. юрид. наук, доцент
БГУ (Минск)*

МОЖЕТ ЛИ СОГЛАШЕНИЕ ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ СПОРА В ПОРЯДКЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВА БЫТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ СУДЕ

В начале функционирования в системе хозяйственных судов процедуры посредничества ст. 149 ХПК Законом от 8 июля 2008 г. № 395-З была дополнена новым основанием для прекращения производства по делу: если сторонами заключено соглашение об урегулировании спора в порядке посредничества, которое утверждено хозяйственным судом. Возникает вопрос: насколько эта новелла оправданна?

Из ч. 1 ст. 157 ХПК следует, что содержание соглашения об урегулировании спора в порядке посредничества могут составлять следующие волеизъявления одной или обеих сторон: отказ истца от иска в целом или его части; полное или частичное признание иска ответчиком; новый договор сторон и отзыв истцом искового заявления; мировое соглашение.

БГЭУ Белорусский государственный экономический университет
БГЭУ Белорусский государственный экономический университет
Библиотека.

BSEU Belarus State Economic University. Library.

<http://www.bseu.by>

elib@bseu.by